

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

СПЕЦИФИКА КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕВОДА И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

И.А. Быкова

Кафедра иностранных языков аграрного факультета
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов межкультурной коммуникации и процесса перевода, связанных с когнитивными составляющими переводческого выбора.

Ключевые слова: перевод, смысл, межкультурная коммуникация, когниция, дискурс, переводческий выбор.

«При обобщении результатов накопления и развития научного знания в XX веке, на рубеже второго и третьего тысячелетий истории по современному летоисчислению возникает необходимость установления в нем парадигматического знания, т.е. знания, определившего новые направления движения научной мысли» [7. С. 32].

Под влиянием новых парадигм знания, главным образом когнитивной и коммуникативной, в мировой и отечественной лингвистике появились ценные данные относительно природы и сущности языка, усилилось внимание к дискурсивным аспектам языка, а также разработке методик обоснования и проверки различного рода гипотез и концепций. «Когнитивная наука, — как справедливо указывает Е.С. Кубрякова, — поставила перед собой воистину глобальные задачи и, вовлекая в их решение специалистов по лингвистике... заставила последних пересмотреть... и само понимание языка, и его роль в познавательных процессах человека» [4. С. 13].

Когнитивный подход в лингвистических исследованиях связывает форму речевого произведения не только с такими универсальными познавательными процессами, как порождение речи, интерпретация сообщения, коммуникативные намерения и прагматические цели взаимодействующего с адресатом адресанта, но также устанавливает определенную зависимость вербальной презентации со-

общения от таких факторов, как языковая компетенция автора и его экстралингвистические знания, включая знания о конкретной речевой ситуации и т.д., открывает доступ к исследованию лингвистического знания и устанавливает связь между прагматикой и когнитивными эффектами.

В силу того, что отправные точки теории перевода связаны с речевой деятельностью человека, т.е. коммуникативным уровнем, сам феномен перевода как особый вид речевой деятельности не может рассматриваться вне взаимосвязи и взаимозависимости деятельности переводчика с речевой деятельностью двух других участников акта коммуникации — автора оригинала и адресата перевода, поскольку в целом перевод (или опосредованная межъязыковая межкультурная коммуникация) является процессом восприятия и порождения речи, специфические черты которого «заключаются в особенностях структуры этой коммуникации, особом характере когниции, использовании характерных для перевода как процесса механизмов, специфики кодирования информации... а также достижения взаимопонимания, эффективности в условиях акта перевода» [1. С. 112].

Независимо от позиций в отношении феномена перевода в отечественной и зарубежной доктрине (Л.С. Бархударов, В.Г. Гак, В.Н. Комиссаров, З.Д. Львовская, Р.К. Миньяр-Белоручев, Я.И. Рецкер, А.В. Федоров, Г.В. Чернов, М.Я. Цвиллинг, А.Д. Швейцер, Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне, О. Каде, Г. Егер, Дж. Кэтфорд, Ж. Мунен, Ю. Найда и т.д.) сам перевод рассматривается как преобразование некой идеальной сущности, каковой является представление переводчика о системе смыслов сообщения, закодированного в исходном тексте (ИТ), в относительно близкую, но не тождественную систему смыслов, облеченную в материальную форму языка перевода (ПЯ). Заключенная в формах ИТ и осознанная переводчиком именно эта система выступает в качестве истинного предмета преобразования или перевода. В этой связи А.Д. Швейцер подчеркивает, что «...процесс перевода начинается... с целенаправленной („переводческой“) интерпретации исходного текста и не сводится лишь к созданию вторичного текста... В процессе перевода языковые значения фигурируют как переменные величины. Инвариантным остается формируемый контекстом и ситуацией общения смысл. Именно речевой контекст и ситуация общения дают возможность нейтрализовать различия между нетождественными значениями, или, иными словами, использовать разные значения для передачи одного и того же смысла» [11. С. 75, 206]. Последняя строка цитаты созвучна и фактически передает смысл эпиграфа “Traducir distinto para decir lo mismo”, предваряющего рецензию на книгу, посвященную творческому наследию одного из выдающихся переводчиков латиноамериканской литературы на английский язык Грегори Рабасса, о котором писали: “Rabassa not only inscribed his translation as texts, he participated in creating their ‘meaning and their value” [12. P. 214].

Как известно, проблема соотношения мысли и слова или смыслов и конкретных языковых знаков является ключевой не только для теории перевода, но также и для психолингвистики. Так, Т.Н. Ушакова, описывая процесс перехода мысли в словесную форму, обращает внимание на тот факт, что «в процессе вербализации содружественно действуют фактор интеллекта и фактор речезыкового меха-

низма. Говоря метафорично, можно формулировать это так: интеллект ищет слова по смыслу и исходному намерению, речь и язык предоставляют для выбора спектр имеющихся заготовленных именованных. Продуктивность в смысле создания новой мысли, нового видения действительности оказывается прерогативой интеллекта. Он определяет элементы в пространстве ментальных операций, подлежащие вербализации. Он осуществляет перебор языковых возможностей и выбор словесного продукта, отвечающего имеющейся интенции, ситуации общения, эстетическому вкусу говорящего и др. Он же оценивает результат и понятность речевого продукта для слушателя, приводя различие адекватных и менее адекватных вербальных вариантов, снимая неясности» [10. С. 18].

В условиях опосредованной коммуникации наличие двух систем — систем языка — противостоит языковому сознанию индивидов, которое может вербализовать те или иные явления совсем не так, как это принято нормой и узусом ИЯ или ПЯ, что является камнем преткновения в переводе. А.Д. Швейцер в своем определении перевода отражает этот феномен следующим образом: «многомерный и многофакторный характер процесса перевода, его сложный и противоречивый характер, и в первую очередь его основной парадокс, который можно было бы назвать „двойной лояльностью“ переводчика — установкой на „верность“ оригиналу и установкой на адресата и нормы его культуры» [11. С. 75].

Необходимость передачи при переводе системы смыслов исходного текста вопреки асимметрии языковых и культурных систем переводит эту проблему из лингвистической области в когнитивную, в рамках которой осуществляется анализ механизма понимания сообщения в процессе коммуникации. Именно когнитивный анализ позволяет определить те уровни и характеристики понимания, которые необходимы и достаточны для прагматически успешной коммуникации, а следовательно, и для перевода.

Изначальное включение в коммуникацию понятия адекватности передачи и восприятия смысла, а также рассмотрение познавательной стороны общения в плане эквивалентности тезаурусов коммуникантов как части культурной и научной компетенций связано с тем, что «двойственность когнитивной деятельности человека (Я-субъекта и Я-объекта) находит проявление в эпистемических диадах: объективное/субъективное; личностное/неличностное; рациональное/чувственное; рассудочное/эмоциональное; логическое/эстетическое... Продукты познавательной деятельности могут быть представлены в виде внеличностной (объективной или научной) и личностной (обыденной или творческой) картин мира. Эти картины мира имеют различную методологию построения, объект, продукт, сущностные свойства...» [8. С. 95].

В картине мира коммуникантов как членов определенного социума имеется некое усредненное представление об объектах окружающей действительности в виде качественно-количественных характеристик (своеобразного оценочного стереотипа), что, вне всякого сомнения, облегчает взаимопонимание и повышает эффективность общения. Вместе с тем в процессе выявления и установления кор-

реляций между когнитивными и языковыми структурами следует исходить из понимания того, что «картина мира — то, каким себе рисует мир человек в своем воображении, — феномен более сложный, чем языковая картина мира, т.е. та часть концептуального мира человека, которая имеет „привязку“ к языку и преломлена через языковые формы» [5].

Таким образом, «для успешной коммуникации требуется наличие когнитивного пространства, в котором определенным образом объективируются структуры знания и человеческого опыта, осмысления мира и его оценки с помощью языка. Из этого следует, что дифференциал в знаниях и экстралингвистическом опыте языковых коллективов исходного языка и языка перевода, концептуальная информация, существующая в сознании коммуникантов в ее вербальном и невербальном воплощении, становятся определяющими для понимания смысла дискурса и, соответственно, его адекватной передачи средствами другого языка, иначе — эффективности акта перевода» [2. С. 80].

Применительно к опосредованной коммуникации некоторые ученые считают, что в процессе перевода текста с ИЯ на ПЯ он должен быть «перемещен» из одного когнитивного пространства в другое (Ср.: “Traducir de un texto de L1 a L2 es ‘desplazarlo’ de un espacio cognitivo a otro” [13. P. 424]). В пользу подобного подхода можно указать на тот факт, что в условиях перевода представления, зафиксированные с той или иной степенью точности в коллективном сознании членов одного социума, как правило, отсутствуют в другом; изменяются сами пресуппозиции общения, что приводит к изменению когнитивного состояния переводчика (новое знание, новые коммуниканты, иные социальные условия взаимодействия и т.п.). Взаимодействие лингвистической и нелингвистической информации оказывает определенные когнитивные эффекты на мыслительные процессы при обработке информации в акте перевода. Создаваемое таким образом пространство или когнитивный контекст способствует формированию умения воспринимать и интерпретировать ситуацию с позиций как родной, так и иноязычной культуры (Ср.: “siesta” или “junta” — «сиеста» и «хунта» в испанском и русском языках).

Язык отражает действительность и фиксирует невербальные формы сознания, однако «обращение к языку рассматривается сегодня как наиболее простой доступ к сознанию не потому, что все структуры сознания изначально вербализованы, но потому, что все объяснения о любых объектах выступают для человека в форме вербального их описания» [3. С. 11].

Для дискурса как сложного коммуникативного явления и «события когнитивного, имеющего дело с передачей знаний... или с новой переработкой знания или же оперированием знанием в определенных целях» [6. С. 10] характерна привязанность к широкому социокультурному контексту. В разных дискурсах, например политическом, язык используется для выражения особой ментальности и создания особой языковой картины мира, определенной модели ментального пространства, отображающей не только реальность, но и определенное «видение» ситуации, оценку и отношение к действительности коммуникантов, принадлежащих к данной лингвокультурной общности (Ср.: в русском языке «дедовщина», «яблочник», «карусель»; в испанском языке “paladares” (Cub.), “violencia callejera”,

(Esp.), “*momias*”, “*tancazo*” (Chil.) и т.д.). В условиях опосредованной коммуникации указанные аспекты будут оказывать влияние на эффективность общения в силу того факта, что «нередко разного рода формы образной речи, выполняющие определенную прагматическую функцию, представляют трудности для понимания, связанные с отсутствием у переводчика глубоких знаний чужой культуры, с его принадлежностью к другой (по сравнению с автором) лингвосоциокультурной общности, недостаточным вниманием к речевой ситуации и условиям коммуникации... Самый распространенный вид неправильного понимания (полного непонимания, недопонимания, частичного понимания и т.д.) связан с семантическим уровнем: искажением смысла высказывания как на сигнификативном, так и на денотативном уровнях, когда переводчик неверно понимает, какой класс предметов соотносится с тем или иным понятием (денотативный уровень)» [9. С. 95]. Последнее чрезвычайно ценное высказывание напрямую связано с качеством перевода и его адекватностью.

Известно, что национальные языковые картины мира в реальности отражают специфические особенности конкретного языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт конкретной лингвосоциокультурной общности.

Так, последние три десятилетия практически во всех странах мира происходило создание частных охранных служб и фирм, занимающихся той деятельностью, которую в условиях роста преступности не способны осуществлять официальные органы власти. Подобные объекты внеязыковой действительности в испанском языке известны как “*compnías de seguridad privada*”; “*celadores armados*”.

Словосочетание “*celador armado*” в испанских, испанско-русских словарях отсутствует. Основной компонент данного словосочетания “*celador*”, согласно словарям М. Молинер, Х. Касареса, Larousse, имеет следующие значения:

“Se aplica en algunos casos a la persona que tiene a su cargo cuidar de que se comporten debidamente otras en un sitio; por ejemplo, los niños en un colegio o los presos en la cárcel”.

Иначе говоря, в лексической единице (ЛЕ) “*celador*” актуализируются семы ‘только школа’ или ‘только тюрьма’.

В аргентинском варианте ЛЕ “*celador*” употребляется в значении «классный надзиратель», в уругвайском — «полицейский надзиратель» [15. С. 184]. В мексиканском национальном варианте, согласно мнению информантов, она обозначает охранника тюрьмы: “¿*Celadores*? Los tenemos sólo en las cárceles”. В этом национальном варианте для номинации подобного объекта внеязыковой действительности используется другая ЛЕ — “*vigilante*”.

Как показывают наши наблюдения и подтверждают результаты опросов информантов, в условиях межъязыковой межкультурной опосредованной коммуникации определяющим фактором осуществления коммуникативно-прагматической адаптации текста на испанском языке является межвариантная специфика испаноязычного адресата, его принадлежность к определенной лингвокультурной общности, в которой испанский язык реализуется в одном из своих национальных

вариантов. Этому параметру принадлежит одно из первых мест в иерархии факторов, предписывающих адекватный выбор вариантов соответствий и ограничивающих употребление безэквивалентных и фоновых ЛЕ в актах опосредованной двуязычной коммуникации.

В Колумбии вооруженную охрану (например, пост вооруженных охранников) в больницах, школах, предприятиях, банках и т.д., принято называть “*celadores armados*”. При этом следует отметить, что данное словосочетание ограничено в употреблении по территориальному параметру колумбийским вариантом испанского языка.

В конкретных национальных вариантах испанского языка у этих языковых единиц имеется четкая референтная соотнесенность, эксплицитно выражен набор признаков денотата и сама денотативная предопределенность их значений очерчивает круг возможных ситуаций употребления данных единиц.

Пример: “*Las descomunales dimensiones de la amenaza hacen que en torno a ella florezcan negocios subsidiarios de grandes dimensiones. Desde la venta de pólizas anti-secuestro por parte de las compañías de seguro hasta el blindaje de automóviles, pasando por el crecimiento de compañías (especialmente norteamericanas) especializadas en negociar rescates con discreción y tacto, necesarios para evitar la intervención, generalmente catastrófica de las autoridades: la mayoría de los secuestrados salen muertos del trance, pierden la vida en las operaciones de rescate ejecutadas por la policía o el Ejército... Actualmente, y en particular en Colombia, si se suma el personal de las **compañías de seguridad privada** — guardaespaldas, **celadores armados** — al de las fuerzas regulares del Ejército y la Policía, al de los ejércitos privados de narcotraficantes, al de las numerosas pandillas de secuestradores, se llega a un dato económico impresionante*”.

(EL Siglo, 18 de noviembre de 2000, 2)

В русском языке в постсоветский период также появились словосочетания «вооруженная охрана» (пост), «вооруженные охранники» в школах, спортзалах, больницах, на предприятиях, в банках, именующие в речи явление, сходное с понятием, обозначающимся в колумбийском национальном варианте “*celador armado*”. Следует отметить, что Словарь русского языка не регистрирует значение, в котором эти словосочетания функционируют в современной речи. Как следствие, русско-испанские словари на слова «охранники», «охрана» приводят следующие значения:

(acción) defensa, protección, guardia, custodia; (conjunto de gente) guardia”; (fam.) — miembro, agente de la ojranca (policía “*secretá de la Rusia zarista*); «охранять» — “guardar, cuidar, vigilar, custodiar, proteger, defender, amparar, salvaguardar”.

Иначе говоря, исследуемое нами значение отсутствует.

Вместе с тем перевод фонового словосочетания “*celadores armados*” русским «пост охраня», «вооруженная охрана/пост» концентрирует внимание русскоязычного адресата на выявлении значимых аспектов информации, определяет контекст для интерпретации и позволяет в целом сделать соответствующие смысловые выводы на основе ассоциаций, связанных с релевантными чертами речевой ситуации и способствующих адекватному отображению внеязыковой ситуации средствами русского языка.

Передача колумбийского фонового словосочетания “*celadores armados*” русскими «пост охраны», «вооруженные охранники», «вооруженная охрана» способствует воссозданию в русском языке образа данного фонового словосочетания как знака конкретной ситуации, имеющей определенные прагматические параметры и актуализирующей в тезаурусе адресата дополнительную экстралингвистическую информацию, связанную с социальными условиями развития соответствующих государственных общностей, что обеспечивает восприятие текста на ПЯ в соответствии с целями и задачами двуязычной опосредованной коммуникации.

Таким образом, междисциплинарные основы рассмотрения языкового материала в переводческом дискурсе в ракурсе взаимодействия лингвистики и когнитивной науки позволяют выявить механизмы когнитивной деятельности переводчика, показать с позиции достижения адекватности в переводе специфику и ограничения прагматического характера, привносимые конкретной коммуникативной ситуацией в актуализацию смысла дискурса с учетом влияния человеческого фактора.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Быкова И.А.* Теория перевода (когнитивно-прагматический аспект): Учебник. — М.: Изд-во РУДН, 2013. — 149 с. [*Bykova I.A.* Teoriya perevoda (kognitivno-pragmaticeskij aspekt): Uchebnik. — М.: Izd-vo RUDN, 2013. — 149 s.]
- [2] *Быкова И.А.* Межкультурная коммуникация: сопоставительное исследование когнитивно-культурных факторов перевода // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». — 2013. — № 2. — С. 79—85. [*Bykova I.A.* Mezhkulturnaya kommunikaciya: сопоставительное исследование когнитивно-культурных факторов перевода // Vestnik RUDN. Seriya «Russkij i inostrannye yazyki i metodika ix prepodavaniya». — 2013. — № 2. — S. 79—85.]
- [3] *Кубрякова Е.С.* Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. — М., 1992. — С. 4—38. [*Kubryakova E.S.* Problemy predstavleniya znaniy v sovremennoj nauke i rol lingvistiki v reshenii etix problyem // Yazyk i struktury predstavleniya znaniy. — М., 1992.]
- [4] *Кубрякова Е.С.* Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // Известия АН. Сер. Литературы и языка. — 2002. — № 1. — С. 13—24. [*Kubryakova E.S.* Kognitivnaya lingvistika i problemy kompozicionnoj semantiki v sfere slovoobrazovaniya // Izvestiya AN. Ser. Literatury i yazyka. — 2002. — № 1. — S. 13—24.]
- [5] *Кубрякова Е.С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Сб. обзоров. — М.: ИЯ РАН, 2000. — С. 8—22. [*Kubryakova E.S.* O ponyatiyah diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoj lingvistike // Sb. obzorov. — М.: IYa RAN, 2000. — S. 8—22.]
- [6] *Кубрякова Е.С.* Об исследовании дискурса в современной лингвистике // Филология и культура. — Тамбов, 2001. — С. 8—11. [*Kubryakova E.S.* Ob issledovanii diskursa v sovremennoj lingvistike // Filologiya i kultura. — Tambov, 2001. — S. 8—11.]
- [7] *Нерознак В.П.* «Парадигма Н.С. Трубецкого» // Вавилонская башня: Слово. Текст. Культура. — М.: МГЛУ, 2002. — С. 32—38. [*Neroznak V.P.* «Paradigma N.S. Trubeckogo» // Vavilonskaya bashnya: Slovo. Tekst. Kultura. — М.: MGLU, 2002. — S. 32—38.]
- [8] *Нотина Е.А.* «Национальная научная картина мира и сопоставительные исследования» // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». —

2013. — № 2. — С. 95—100. [*Notina E.A.* «Nacionalnaya nauchnaya kartina mira i сопоставительные исследования» // *Vestnik RUDN. Seriya «Russkij i inostrannye yazyki i metodika ix prepodavaniya»*. — 2013. — № 2. — С. 95—100.]
- [9] *Notina E.A.* Интертекстуальная составляющая лингво-ментальной личности переводчика научных текстов» // *Вестник*. — 2014. — С. 399—407. [*Notina E.A.* Intertekstualnaya sostavlyayushhaya lingvo-mentalnoj lichnosti perevodchika nauchnyx tekstov» // *Vestnik*. — 2014. — С. 399—407.]
- [10] *Ушакова Т.Н.* Структуры языка и организация речевого процесса // *Язык. Сознание. Культура: Сб. статей*. — М.; Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Изд-во «Эйдос»), 2005. — 400 с. [*Ushakova T.N.* Struktury yazyka i organizaciya rechevogo processa // *Yazyk. Soznanie. Kultura: Sb. statej*. — М.; Калуга: IP Koshelev A.B. (Izd-vo «Ejdos»), 2005. — 400 s.]
- [11] *Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. — М.: ЛИБРОКОМ, 2012. — 216 с. [*Shvejcer A.D.* Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty. — М.: LIBROKOM, 2012. — 216 s.]
- [12] *Rubén Darío Flórez Arcila*: María Constanza Guzmán. Gregory Rabassa's Latin American Literature. A Translator Visible Legace // *Forma y Función vol. 24, № 1 enero-junio del 2011*. Bogotá, Colombia, pp. 209—215.
- [13] *Ángel López García y Montserrat Veyrat Rigat*: Lingüística aplicada a la traducción // *Onomázein 26 (2012/2)*: 421—426.
- [14] Испанско-русский словарь современного употребления / Под ред. А.В. Садикова, Б.П. Нарумова. — М.: Русский язык, 1996. — 748 с. [Ispansko-russkij slovar sovremennogo upotrebleniya / Pod red. A.V. Sadikova, B.P. Narumova. — М.: Russkiy yazyk, 1996. — 748 s.]
- [15] Испанско-русский словарь / Под ред. Б.П. Нарумова. — М.: Русский язык, 1988. — 830 с. [Ispansko-russkij slovar / Pod red. B.P. Narumova. — М.: Russkij yazyk, 1988. — 830 s.]
- [16] *Julio Casares*. Diccionario ideológico de la lengua española. Barcelona. 1966.
- [17] *Maria Moliner*. Diccionario de uso del Español. Madrid. 1986.
- [18] Pequeño Larousse ilustrado. La Habana. 2001.

SPECIFIC COGNITIVE PROCESSES IN TRANSLATION AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

I.A. Bykova

The Chair of Foreign Languages
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

This article refers to certain aspects of intercultural communication, cognition and translation in connection with translator's strategy of decision making.

Key words: translation, sense, intercultural communication, cognition, discourse, translator's decision making.